

ФРИДРИХ ВАЙСМАН О МНОГОУРОВНЕВОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМАХ РЕДУКЦИОНИЗМА*

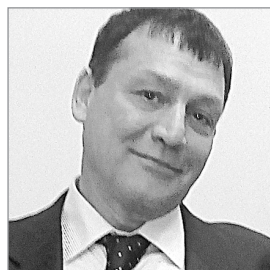
Оглезнев Виталий Васильевич – доктор философских наук, доцент, профессор. Национальный исследовательский Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, д. 36;
e-mail: ogleznev82@mail.ru

Суровцев Валерий Александрович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Томский научный центр СО РАН.

Российская Федерация, 634055, г. Томск, пр. Академический, д. 10/4. Заведующий кафедрой. Национальный исследовательский Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 36;
e-mail: surovstv1964@mail.ru

В представленной статье рассматривается философско-лингвистическая концепция Фридриха Вайсмана – теория многоуровневой структуры языка. Суть этой теории заключается в том, что каждый языковой слой имеет свою собственную логику: в разных слоях применяются разные понятия истины, способы верифицируемости, полноты описания. Все это влияет на изменение структуры самой логики. Данный подход предполагает группировку в одном слое всех тех предложений, которые являются однородными, т. е. которые логически ведут себя одинаково. Отношения между разными слоями имеют весьма сложную природу, что не позволяет редуцировать высказывание одного слоя к другому. Эти соображения приводят, по мнению Вайсмана, к новой картине языка, естественным образом разделенного на слои.

Ключевые слова: язык, верифицируемость, полнота описания, истина, структура, логика

FRIEDRICH WAISMANN ON THE MANY-LEVEL- STRUCTURE OF LANGUAGE AND PROBLEMS OF REDUCTIONISM

Vitaliy V. Ogleznev – DSc in Philosophy, professor. Tomsk State University. 36 Lenin Av., Tomsk 634050, Russian Federation;
e-mail: ogleznev82@mail.ru

Valeriy A. Surovtsev – DSc in Philosophy, professor.

The article presents the philosophical and linguistic conception of Friedrich Waismann – the theory of many-level-structure of language. The key point of this theory is that each language stratum has its own logic: different concepts of truth, the methods of verifiability and the completeness of description are used in different strata. All this has an influence on the structure of logic itself. This approach suggests that all homogeneous statements (identical in a logical sense) are grouped in one stratum. The relations between the different strata are of a most complicated, peculiar and elusive nature and that does not allow to reduce

* Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 18-18-00057 «Логика и эпистемология: иерархический подход Рассела-Тарского к решению проблемы парадоксов».

Tomsk Scientific Center,
Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences.
10/4 Akademicheskii Av.,
634055, Tomsk, Russian
Federation.
Head of Department.
Tomsk State University.
36 Lenin Av., Tomsk 634050,
Russian Federation;
e-mail: surivtsev1964@mail.ru

statement of one stratum to another. According to Waismann, these considerations lead to a new picture of the language, naturally divided into strata.

Keywords: language, verifiability, completeness of description, truth, structure of logic

В исследованиях по истории аналитической философии XX в. фигуре Фридриха Вайсмана, равно как и его вкладу в развитие аналитической философии, уделяется недостаточное внимание и даются неоднозначные оценки. С одной стороны, он рассматривается как член Венского кружка, сыгравший важную роль в истории этого интеллектуального сообщества. С другой стороны, его оценка во многом зависит от отношения к нему как к популяризатору идей Людвига Витгенштейна, касающихся изменения образа языка, где картина однозначного соответствия формального языка, сконструированного согласно принятой онтологии, меняется на анализ языка в практике его употребления. Таким образом, сложилось мнение, что Вайсман является как бы актером второго плана, не имеющим своего места в, так сказать, «зале славы» аналитической философии, поскольку он постоянно находится в тени своих более именитых коллег, прежде всего, более известных членов венского кружка (Шлик, Карнап, Гёдель) и Витгенштейна. Это в конечном счете повлияло на оценку его оригинальных взглядов и привело к дефициту внимания к анализу его творчества.

Подобное восприятие роли Вайсмана в современной аналитической философии может на первый взгляд показаться вполне обоснованным по разным причинам. В 1928 г. по инициативе Шлика возник проект написания книги, соавторами которой должны были выступить Витгенштейн и Вайсман. Идея книги¹ первоначально заключалась в том, что в ней будут подробно представлены и разъяснены некоторые центральные идеи «Логико-философского трактата» [Витгенштейн, 1994, с. 1–74]. Но этому проекту не удалось сбыться, по крайней мере, в изначально задуманном виде. Взгляды Витгенштейна претерпели существенные изменения, что отчасти повлияло на разрыв его отношений с Вайсманом и прекращение совместной работы. Существенные изменения претерпели взгляды и самого Вайсмана относительно идей, которые объединяли редукционистскую позицию Венского кружка, особенно после его переезда в 1940 г. в Окс-

¹ Эта идея возникла в ходе совместных встреч Витгенштейна и членов Венского кружка. Вайсман принимал активное участие в этих встречах и конспектировал возникающие по ходу дела дискуссии [Waismann, 1979].

форд. В итоге книга была опубликована на английском языке только в 1965 г., уже после смерти Вайсмана, под названием “The Principles of Linguistic Philosophy” [Waismann, 1965].

Однако именно в Оксфорде в полной мере раскрылся талант Вайсмана как преподавателя и ученого. Его лекции и доклады пользовались большой популярностью, они отличались строгостью аргументации и утонченным стилем изложения. На оксфордский период жизни Вайсмана приходится и разработка его собственной философско-лингвистической концепции – многоуровневой структуры языка, изложенной в основном двух публикациях “The Many-Level-Structure of Language” [Waismann, 1946] и “Language Strata” [Waismann, 1953]. Хотя предварительные наброски к этой оригинальной концепции можно обнаружить в статье “Verifiability” [Waismann, 1945, p. 119–150], где Вайсман выдвигает аргументы против феноменалистской позиции о редукции высказываний о материальных объектах к высказываниям о чувственно данных. Неудовлетворенность методом верификации, применяемым в качестве критерия фактической истинности и научной осмысленности высказываний и выражающим требование сводимости значения высказывания к способу его эмпирической проверки, приводит Вайсмана к выводу, что «неполнота верификации укоренена в неполноте определения привлекаемых понятий, а неполнота определения укоренена в неполноте эмпирического описания» [ibid., p. 126].

Вместо этого Вайсман предлагает концепцию языка, который как бы «расслаивается на уровни»: «Язык кажется разделенным на слои провалами, через которые мы можем перепрыгнуть, но через которые мы не можем навести мосты с помощью логических процедур» [Waismann, 1946, p. 228]. Он утверждает, что каждый языковой слой имеет свою собственную логику; высказывания могут быть истинными в различных смыслах, что они могут быть верифицированы в различных смыслах, что они могут быть полными или неполными в различных смыслах, что в действительности сама логика может изменяться вместе с видом высказывания. Это предполагает группировку в одном слое всех тех предложений, которые являются однородными, т. е. которые логически ведут себя одинаково. В разных слоях применяются разные понятия истины: истинность высказывания о субъективном впечатлении отличается от истинности высказывания о материальном объекте, которое, в свою очередь, отличается от истинности физического закона. Аналогичным образом меняются и способы верификации этих высказываний. Отношения между разными слоями имеют весьма сложную природу, что не позволяет свести высказывание одного слоя к другому. Эти соображения приводят, по мнению Вайсмана, к новой картине языка, естественным образом разделенного на слои. В пользу этой новой картины Вайсман приво-

дит развернутую аргументацию, частично представленную в статье «Многоуровневая структура языка», перевод на русский язык которой представлен ниже.

Вайсман не случайно начинает свою статью, цитируя Беркли, который в истории философии, по-видимому, является крайним представителем редукционизма, хотя и редукционизма несколько иного толка, чем современный Вайсману. В рамках традиции английского эмпиризма XVIII в. он вполне естественно развивается в русле поиска окончательных источников познания. Если таковыми признаются ощущения, то вполне естественно прийти к тому, что все то, что считается вещами объективного, независящего от познающего субъекта мира, оказывается фикцией. Приведем цитату из Беркли, на которую ссылается Вайсман: «Я вижу эту вишню, я осязаю ее, я пробую ее... следовательно, она *реальна*. Устрани ощущение мягкости, влажности, красноты, терпкости, и ты уничтожишь вишню. Так как она не есть бытие, отличное от ощущений, то вишня, я утверждаю, есть не что иное, как соединение чувственных впечатлений» [Беркли, 1978, с. 345]. Редукция Беркли в данном случае сводится к тому, что если попытаться найти нечто такое, что стоит за рамками наших ощущений, то эта попытка окажется совершенно бесполезной именно потому, что за рамки ощущений выйти попросту невозможно. Все, что мы можем сказать об объектах внешнего мира, не выходит за пределы фиксации тех чувственных впечатлений, носителями которых мы являемся. Следовательно, именно чувственные впечатления являются изначальным источником нашего познания, и как раз они ставят предел возможности наших познавательных способностей. С очевидностью мы знаем только содержание наших чувственных впечатлений, а потому именно они являются для нас единственной реальностью. Известный принцип Беркли *Esse est percipi* обоснован ограниченностью человеческих способностей, не позволяющих выйти за рамки того, что присуще человеку от природы, т. е. за рамки того, что поставляют нам органы чувств. Для Беркли, таким образом, вопрос заключается не в том, чтобы, отталкиваясь от объектов внешнего мира, объяснить то, как мы их познаем, но в том, чтобы, исходя из характера наших познавательных способностей, объяснить, почему мы все-таки приходим к тому, что такие объекты есть.

Аналогию с подобного рода редукционизмом Вайсман находит в новой технике прояснения философских проблем, возникших, как он считает, после Первой мировой войны. Эта техника связана с тем, что многие философские проблемы начинают пониматься как проблемы, связанные со способами употребления языка. Вопросы о проблемах познания переводятся в вопросы о том, как мы говорим о познании. В этом отношении редукция типа Беркли переформулируется. Если Беркли говорил о чувственных впечатлениях как о начале познания,

то современная Вайсману философия начинает говорить о том, каким образом в языке выражается то, что мы можем знать об окружающем нас мире. Если считать, что язык является универсальным посредником между тем, что есть, и сложившейся картиной мира, то этот подход действительно является очень важным. В языке выражаются чувственные впечатления, и вопрос о том, каким образом сложившаяся структура языка влияет на образ мира, во многих случаях определяет то, что именно считать изначальным источником познания. Здесь возникает редукционизм нового типа. Если Беркли полагал, что, отталкиваясь от чувственных впечатлений, которые только и могут быть источником познания, можно объяснить объективность мира, то новый редукционизм, опираясь на технику анализа, согласно которой «философия заключается *только* в изучения символизма» [Waismann, 1946, p. 221], стремится описание мира объектов свести к описанию чувственных впечатлений. Как говорит Вайсман: «Чтобы проиллюстрировать это изменение, взглянем вновь на проблему Беркли. Вместо того чтобы сказать: “Вишня *есть* не что иное, как соединение чувственных впечатлений”, современный приверженец Беркли сказал бы, что высказывания о материальных объектах “*сводимы*” к высказываниям о чувственном опыте» [ibid., p. 221].

Подобного рода подход был во многом инспирирован возникновением нового типа анализа структуры аргументации в применении к философским проблемам. Здесь основное значение имело новое понимание структуры логики, предложенное Готлобом Фреге, в частности функциональная трактовка логики высказываний, где истинность высказывания во многом определялась правильным установлением его структуры [Суровцев, 2008, с. 5–26]. В полной мере этот анализ проявился в работах Бертрانا Рассела, который показал, что от понимания структуры высказывания о фактах во многом зависит понимание того, что составляет структуру факта [Суровцев, 2009, с. 5–16]. Особенно четко подобный подход был выражен в философии раннего Витгенштейна, где структура реальности полностью ставится в зависимость от принимаемой логики языка [Суровцев, 2001]. В такой переформулировке проблем Вайсман видит самое интересное: «Замечаете значительную разницу в постановке проблемы? Современная формулировка вовсе не пытается установить, чем *является* материальная вещь; она связана только с тем, как мы *говорим* о материальных вещах. На самом деле, это – утверждение о *языке*» [Waismann, 1946, p. 221]. Редукционизм, таким образом, переводится из сферы анализа познавательных способностей в сферу анализа языковых возможностей. Эмпиризм в этом смысле очень сильно отличается от традиционного английского эмпиризма, представителем которого был Беркли. При общей исходной посылке, что основанием познания должны, так или иначе, быть чувственные впечатления, сама проблема форму-

лируется в рамках того, каким образом эти чувственные впечатления выражаются в языке и какое место они в нем занимают. Подобного рода проблема как раз и была сформулирована Шликом [Шлик, 2007, с. 98–104], основателем Венского кружка, деятельным участником которого был Вайсман. Для Венского кружка редукционизм подобного рода становится программой, основанной на логическом исчислении нового типа и некоторых идеях Витгенштейна. Собственно, основная идея этой программы сводилась к тому, что всякое теоретическое знание сводится к высказываниям о чувственных впечатлениях, а методика такого сведения предоставлена новой логикой.

Здесь наблюдается прямая аналогия с Беркли. У Беркли всякое познание вещи в общем и целом сводится к знанию чувственных впечатлений. У редукционистов, о которых пишет Вайсман, всякое высказывание об объекте должно сводиться к высказываниям о чувственных впечатлениях. Это – новая техника, и, согласно Вайсману, она «революционно изменила философию» [Waismann, 1946, p. 221]. С этим трудно не согласиться. Самое интересное то, что здесь можно продолжить аналогию с Беркли. Связано это с тем, как Беркли выходит из затруднения, касающегося постоянства вещей. Действительно, возникает вопрос: а что случается, когда нет того, кто воспринимает? Беркли отвечает в духе современной ему философии: постоянство восприятия обеспечивает, конечно, Бог. Концепция Беркли – это своеобразный способ доказательства существования Бога.

В этом смысле новая логика, созданная Фреге, развитая Расселом и в некоторых отношениях модифицированная Витгенштейном в «Логико-философском трактате», становится для редукционизма, рассматриваемого Вайсманом, той объединяющей силой, которая придает единство высказываниям о чувственных впечатлениях. Чувственные впечатления, преобразованные новой логикой, создают теоретическое знание и обеспечивают его единство. Новая логика, в некотором смысле, приобретает божественное значение, определяя пусть и не единство мира вещей, к чему способен только Бог, но единство его описания. А единство описания приобретает важный смысл, если исключительными источниками познания выступают индивидуальные чувственные впечатления.

Тем не менее возникает вопрос о самой логике. Логика либо универсальна, либо следует переосмыслить соотношение высказываний о чувственных впечатлениях и нашим описанием мира, которое слишком уж однозначно представлялось Венскому кружку. Логика бывает разной, что и утверждает Вайсман в статье «Многоуровневая структура языка». Есть разные системы логики, и они разные не потому, что разнится система чувственных впечатлений, выраженная в предложениях, описывающих непосредственный опыт. Разница заключается в самой системе языка. Вайсман не случайно ссылается на

иные системы логики, отличающиеся от той, что была представлена в наиболее полном виде Расселом и Уайтхедом в фундаментальном труде *Principia Mathematica* [Рассел, Уайтхед, 2005] и которая считается классической в отношении того, что принимаются определенные законы (к примеру, закон исключенного третьего). Как оказывается, описание, основанное на логической структуре, вариативно, а логика – не единственна. Разные системы логики порождают разные системы описания мира. Очень точно описал данную ситуацию Куайн: «На первый взгляд кажется, что подобная идея отклонения от нормы в логике является абсурдной. Если единственная логика непоследовательна, что же последовательно тогда? Какой верховный суд мог бы отменить логику истинностных функций или квантификации?» [Куайн, 2008, с. 146]. Отменить можно. И это связано с самой структурой дедуктивных теорий, основой которых является логика. Как пишет Куайн, и с ним нельзя здесь не согласиться: «Ограничьте совокупность логических истин в любых терминах, и вы получите в этих терминах логику. Какие из этих истин отбираются в качестве аксиом и какие отбираются правила для порождения остальных логических истин из этих аксиом – безразлично» [там же, с. 146]. Безразличным в таком случае становится и отношение к классической логике, с ее законами недопущения противоречия и исключенного третьего. Как раз об этом и пишет в одном из пунктов своей статьи Вайсман. Само существование других, отличных от классической, логик уже предопределяет другие системы описания. К таковым относится упоминаемый им интуиционизм, «в котором закон исключенного третьего больше не является общезначимым» [Waismann, 1946, p. 223], и логика описания квантовой механики Биркгофа и Неймана, в которой не работает закон дистрибутивности.

Надо сказать, что Вайсман гораздо шире смотрит на вещи, нежели интуиционисты или создатели логики квантовой механики. Его интересует не просто возможность описания и логической взаимосвязи фактов. Отправляясь от впечатлений, он прямо говорит, что логика чувственных данных и логика того, что считается объективными фактами, совершенно разные, не говоря уже о логике, пытающейся соединить и то, и другое. Логика, которой мы руководствуемся, существенно отличается в зависимости от того, какой способ описания мы выбираем и что пытаемся описать. Главное в том, чтобы уметь описать. И это умение зависит от понимания многослойности языка. Замечательное выражение Вайсмана гласит: «Особой кажется логика афоризмов. Можно сказать одно, а потом – другое, не будучи при этом обвиненным в противоречии. Также было бы интересно исследовать логику стиха» [ibid, p. 224]. Исследования многообразных случаев употребления языка ставится во главу угла. Здесь коренится логика и способы описания впечатлений. Сама логика начинает расслаиваться.

Особенно ясно это становится тогда, когда мы спрашиваем о полноте описания. Какое описание считать полным? В смысле математической логики – это вполне оправданный вопрос. Он сводится к существованию модели. Если есть модель, т. е. такая интерпретация, относительно которой все высказывания истинны, то на этот вопрос дан правильный ответ. Другое дело, если обратиться к описаниям, где однозначно определить истинностное значение высказываний просто невозможно. Такого рода дискурсов гораздо больше, чем научных. И они не сводимы к описанию впечатлений в смысле редукционизма, поскольку часто совершенно невозможно дать однозначный ответ по поводу переживаемых фактов. В качестве примера Вайсман приводит сон. Хороший пример. Описание сна всегда содержит элемент некоторой неуверенности. И уж совсем уверенность пропадает, если задать вопрос: а имеет ли описание сна модель? Остается только сослаться на пьесу Педро Кальдерона «Жизнь – это сон». Описание в данном случае имеет совершенно иной смысл, нежели предполагаемый редукцией к чувственным впечатлениям, «в зависимости от слоя меняется чувство “полноты” и “неполноты”» [ibid, p. 224]. Слои описания начинают умножаться².

Проблема возникает уже собственно в том, какие слова мы используем при описании фактов. Критикуя «национальный спорт» английских философов в стремлении наиболее точно проанализировать обыкновенные предметы, вроде кошек и столов, с тем, чтобы создать наиболее точное и непосредственно верифицируемое описание, Вайсман указывает на то, что любой термин и, более того, выражаемое термином понятие, с помощью которого мы пытаемся зафиксировать нечто данное, имеют «открытую текстуру». Идея «открытой текстуры», видимо, наиболее важная идея Вайсмана.

Речь здесь не идет о том, что различные выражения повседневного языка, которые мы используем при описании фактов, бывают эквивокативны, эквивалентны, эквивалентны и т. д., как и том, что одинаковые слова могут обозначать совершенно разные вещи. В конечном счете, следуя требованиям терминологической однозначности, за определенным словом, используя конвенцию, всегда можно закрепить одно-единственное значение. Цель науки заключается также и в том, чтобы при описании фактов не оставалось двусмысленностей. Во всяком случае, предполагается, что если мы используем искусственный язык науки, то за терминами закреплено определенное значение. Проблема возникает тогда, когда эти термины начинают

² В значительной степени это относится к логике художественного дискурса, которая, как показывает Герберт Харт, по крайней мере, в вопросах о существовании отличается от систем, связанных с *Principia Mathematica* Рассела и Уайтхеда [Оглезнев, 2012]. О **специфической логике художественного дискурса и ее возможной вариативности** великолепно рассказывает Нельсон Гудмен, на которого, возможно, повлияли идеи Ф. Вайсмана [Гудмен, 2001].

употреблять в различных контекстах. Здесь как раз и возникает то, что Вайсман называет «открытой текстурой». Часто оказывается так, что термины, значение которых кажется однозначным, начинают приобретать новые смыслы. Возникает вопрос: с чем же связаны эти новые смыслы? Очевидный ответ ориентирует на устранение смутности термина, которая при всем стремлении установить его точное значение сохраняется ввиду различия контекстов. Но «смутность» термина – это нечто такое, что устранить в конкретном контексте возможно, уточнив определение. Другое дело «открытая текстура». Смутность термина устранима уточнением его определения или изменением контекста его употребления. Но с открытой текстурой так просто не обойтись. Как пишет Вайсман: «Смутность следует отличать от открытой текстуры. Слово, которое фактически используется изменчивым способом... считается *смутным*; термин, хотя его фактическое употребление может не быть смутным, не имеет исчерпывающего определения или обладает открытой текстурой в том смысле, что мы никогда не сможем заполнить все возможные пробелы, через которые может просочиться сомнение» [ibid, p. 225]. **Всякое уточнение определения или способов употребления термина не устраняет смутность, которая может возникнуть при его дальнейшем использовании. Контексты меняются, меняются и способы употребления терминов. Это неизбежный путь развития всякого знания. Меняется способ употребления терминов в связи с тем, что развиваются эмпирические и теоретические каноны. Остается одно – смутность терминов, которую пытаются устранить. Но это бесконечный процесс, если он связан с установлением значения терминов, выражающих эмпирические понятия. В силу своего источника эмпирические понятия не защищены от смутности. В этом как раз и заключается идея открытой текстуры: «Открытая текстура является чем-то вроде возможности смутности. Смутность может быть устранена посредством установления более точных правил, открытая текстура – нет» [ibid, p. 225].**

Понятие «открытой текстуры» у Вайсмана напрямую связано с критикой редуccionизма. Действительно, каким бы образом ни было проведено сведение теоретических утверждений к описанию эмпирических данных, какая бы логика при этом ни использовалась, термины, в которых выражено описание эмпирических данных, обладают открытой текстурой. Следовательно, проблема, что считать описанием исходных данных, в принципе разрешена быть не может³. Здесь Вайсман радикальным образом ставит вопрос не о возможности от-

³ Эту идею, наряду с Вайсманом, развивает Куайн [Куайн, 2014]. Редуccionизм подобного типа серьезно связан с тем, что считать предложениями наблюдения, т. е. теми предложениями, которые описывают непосредственно данное. Важное отличие, однако, состоит в том, что Куайн отталкивается от неопределенности того, что считать первичным ощущением, тогда как Вайсман основную проблему видит в терминах, которые используются при описании.

четливости чувственных данных, но о возможности адекватности их описания. Если проблема заключается не в том, что считать первичным чувственным впечатлением, что было характерно для классического английского эмпиризма, типа Беркли, но в том, каким образом это впечатление описать, то редукционизм в этом смысле может быть подвергнут обоснованному сомнению. И это сомнение коренится в «открытой текстуре» терминов и понятий.

Понимаемая таким образом «открытая текстура» отличается от «закрытой текстуры». Последняя связывается Вайсманом с тем, как формируется априорное знание в логике и математике. Структура этих наук основана на рациональной конструкции понятий, а не на попытке достичь окончательных чувственных данных. Следовательно, и их язык существенно отличается. Язык того, что конструируется, отличается от языка того, что описывается. Язык описания характеризуется «открытой текстурой» в силу того, что соответствующие понятия не являются результатом того, что мы делаем, но являются результатом того, с чем мы имеем дело. В этом отношении следует учесть, что наши знания различаются не своим источником, но «текстурой» своих терминов: «Открытая текстура, отсутствующая у логических и математических понятий, является очень важной чертой большинства наших эмпирических понятий. То, что структура эмпирического знания настолько отличается от структуры априорного знания, каким-то образом, возможно, связано с различием открытой и закрытой текстуры» [ibid, p. 225].

Такой подход дает совершенно иное понимание того, что считать априорным или апостериорным. Вопрос о том, каким образом устанавливается истинность высказываний в рамках определенного дискурса, т. е. являются ли высказывания аналитическими или синтетическими, переводится в вопрос о том, является ли текстура терминов, с помощью которых выражен данный дискурс, «открытой» или «закрытой». В рамках современной философии этот вопрос является очень важным, поскольку он сводит важную проблему понимания того, что значит для высказывания быть истинным или ложным, к проблеме того, обладают ли термины «открытой» или «закрытой» текстурой. Следует отметить, что этот вопрос приобрел важное значение в современной аналитической философии права. Благодаря Герберту Харту идея «открытой текстуры», которую он заимствовал у Вайсмана и эксплицировал в юридическом языке, основательно закрепляется в качестве методологического принципа анализа юридических понятий [Харт, 2007, с. 128–139]. Концепция «открытой текстуры» юридического языка и его понятий оказалась настолько плодотворной, что стала самостоятельным предметом исследования и получила новую интерпретацию, пусть даже и отстоящую от оригинального источника [Дидикин, 2016, с. 72–86; Оглезнев, 2016].

Главное следствие, вытекающее из такой позиции Вайсмана, заключается в том, что верификация в том смысле, в котором ее понимает редукционизм, совсем не заключается в установлении соответствия описания с тем, что описывается. Описание – это крайне сложная процедура, крайне сложной процедурой является и установление того, что же все-таки описывается. В конечном счете, если учитывать позицию редукционизма, все упирается в так называемые «Я-предложения», т. е. в то, что описывает индивидуальные переживания. Но в какой мере они могут быть верифицированы? Учитывая «открытую текстура» языка, «верификация плетет сложную сеть, создавая разветвленную структуру» [ibid, p. 226]. Такая картина знания, очевидно, отличается от того, что обычно представляется однозначно определенным. Истина варьируется относительно систем описания.

Статья Фридриха Вайсмана, которая представлена ниже, в полной мере передает его основную идею о том, что наши представления о действительности в значительной мере зависят от принимаемой нами системы описания. Главная же проблема заключается в том, в какой мере система описания зависит от нас: «Только обращаясь к языку в его целостности, включающей все его слои, мы можем надеяться получить полное представление о затрагиваемых проблемах» [ibid, p. 229]. То, что считается исходным описанием, и принимаемая логика создают целостную картину мира, ценности же вне ее – «в перспективе предвидения нового гуманизма» [ibid.].

Список литературы

- Беркли, 1978 – *Беркли Дж.* Соч. М.: Мысль, 1978. 556 с.
Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
Гудмен, 2001 – *Гудмен Н.* Способы создания миров / Пер. с англ. М.В. Лебедева. М.: Идея-Пресс, Практис, 2001. 270 с.
Дидикин, 2016 – *Дидикин А.Б.* Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2016. 244 с.
Куайн, 2014 – *Куайн У.* Преследуя истину / Пер. с англ. В.А. Суровцева, Н.А. Тарабанова. М.: Канон+, 2014. 176 с.
Куайн, 2008 – *Куайн У.* Философия логики / Пер. с англ. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2008. 192 с.
Оглезнев, 2012 – *Оглезнев В.В.* О вымышленных дискурсах и квантификации: Г.Л.А. Харт и П.Ф. Стросон // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер. Философия. 2012. № 4 (10). С. 27–34.
Оглезнев, 2016 – *Оглезнев В.В.* «Открытая текстура» юридического языка // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2(34). С. 237–244.
Рассел, Уайтхед, 2005 – *Рассел Б., Уайтхед А.* Основания математики: в 3 т. / Под ред. Г.П. Ярового, Ю.Н. Радаева. Самара: Самарск. ун-т, 2005.

Суровцев, 2001 – *Суровцев В.А.* Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск: изд-во Томск. ун-та, 2001. 306 с.

Суровцев, 2008 – *Суровцев В.А.* О логико-философских взглядах Готлоба Фреге // *Фреге Г.* Логико-философские труды. Новосибирск: Сибир. университет. изд-во, 2008. С. 5–26.

Суровцев, 2009 – *Суровцев В.А.* Онтология и эпистемология Бертрانا Рассела // *Рассел Б.* Избр. тр. Новосибирск: Сибирск. университет. изд-во, 2009. С. 5–16.

Харт, 2007 – *Харт Г.Л.А.* Понятие права / Под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 302 с.

Шлик, 2007 – *Шлик М.* Поворот в философии // Журнал “Erkenntnis” («Познание»). Избранное. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2007. С. 98–104.

Waismann, 1945 – *Waismann F.* Symposium: Verifiability // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Vol. 1945. Vol. 19: Analysis and Metaphysics. P. 119–150.

Waismann, 1946 – *Waismann F.* The Many-Level-Structure of Language // Synthese, 1946. Vol. 5. No. 5/6. P. 221–229.

Waismann, 1953 – *Waismann F.* Language Strata. Logic and Language (Second Series) / Ed. by Flew A.G.N. Oxford: Basil Blackwell, 1953. P. 11–31.

Waismann, 1965 – *Waismann F.* The Principles of Linguistic Philosophy / Ed. by R. Harré. L.: Macmillan, 1965. 422 p.

Waismann, 1979 – *Waismann F.* Wittgenstein and the Vienna Circle: Conversations. UK: Rowman & Littlefield Publishers, 1979. 129 p.

References

Berkeley, G. *Sochineniya* [Writings]. Moscow: Mysl', 1978, 556 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Filosofskie raboty, vol. 1* [Philosophical Writings, vol. 1], Kozlova, M. S. & Aseev, Yu. A. (transl.). Moscow: Gnozis, 1994. 612 pp. (In Russian)

Goodman, N., Lebedev, M. V. (trans.). *Sposoby sozdaniya mirov* [Ways of Worldmaking]. Moscow: Ideya-Press, Praksis, 2001. 270 pp. (In Russian)

Didikin, A. B. *Analiticheskaya filosofiya prava: istoki, genenezis i struktura* [Analytical Legal Philosophy: Origins, Genesis, and Structure]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2016. 244 pp. (In Russian)

Quine, W. V. O. *Presleduya istinu* [Pursuit of Truth], Surovtsev, V. A. & Tarabanov, N. A. (transl.). Moscow: Kanon+, 2014. 176 pp. (In Russian)

Quine, W. V. O. *Filosofiya logiki* [Philosophy of Logic], Surovtsev, V. A. (trans.). Moscow: Kanon+, 2008. 192 pp. (In Russian)

Ogleznev, V. V. “O vymyshlennyh diskursah i kvantifikacii: G. L. A. Hart i P. F. Stroson” [G. L. A. Hart and P. F. Strawson About a Fictional Discourse and Quantification], *Novosibirsk State University Journal of Philosophy*, 2012, no. 4 (10), pp. 27–34. (In Russian)

Ogleznev, V. V. “Otkrytaya tekstura» yuridicheskogo yazyka” [“Open Texture” of Legal Language], *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2016, no. 2(34), pp. 237–244. (In Russian)

Russell, B., Whitehead, A., Yarovoy, G. P. & Radaev, Yu. N. (trans.). *Osnovaniya matematiki: v 3-h t.* [Principia Mathematica, vols. 3]. Samara: Izd-vo «Samariskij universitet», 2005. (In Russian)

Surovtsev, V. A. *Avtonomiya logiki: Istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteina* [Autonomy of Logic: Origins, Genesis, and System of Philosophy of Earlier Wittgenstein]. Tomsk: Izd-vo Tom.un-ta, 2001. 306 pp. (In Russian)

Surovtsev, V. A. “O logiko-filosofskih vzglyadah Gotloba Frege” [About Logical and Philosophical Views of Gotlob Frege], in: Frege, G. *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and Philosophical Writings]. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo, 2008, pp. 5–26. (In Russian)

Surovtsev, V. A. “Ontologiya i ehpistemologiya Bertrana Rassela” [Bertran Russell’s Ontology and Epistemology], in: Russell, B. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo, 2009, pp. 5–16. (In Russian)

Hart, H. L. A., Afonasin, E. V. & Moiseev, S. V. (trans.), *Ponyatie prava* [The Concept of Law]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 302 pp. (In Russian)

Schlick, M. “Povorot v filosofii” [Turn in Philosophy], *Journal “Erkenntnis”*. *Izbrannoe*. Moscow: Izdatel’skij dom «Territoriya budushchego», 2007, pp. 98–104. (In Russian)

Waismann, F. “Symposium: Verifiability”, in: *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes, vol. 19: Analysis and Metaphysics*, 1945, pp. 119–150.

Waismann, F. “The Many-Level-Structure of Language”, *Synthese*, 1946, vol. 5, no. 5/6, pp. 221–229.

Waismann, F., Flew, A. G. N. (ed.), *Language Strata. Logic And Language (Second Series)*. Oxford: Basil Blackwell, 1953, pp. 11–31.

Waismann, F. *The Principles of Linguistic Philosophy*. London: Macmillan, 1965. 422 pp.

Waismann, F. *Wittgenstein and the Vienna Circle: Conversations*. UK: Rowman & Littlefield Publishers, 1979. 129 pp.